

Райнер Мария Рильке
Победивший дракона
Серия «Новеллы»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161873

*Райнер Мария Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге». серия
"Библиотека журнала «Иностранная литература»: Известия; Москва;
1988*

Аннотация

Небольшая лирическая новелла «Победивший дракона» (1902) – параболa о жизни и смерти, об ужасном и прекрасном, связанных некоей скрытой нитью, о бескорыстии и чистоте, дарующих человечеству силы побеждать драконов.

Райнер Мария Рильке

Победивший дракона

Была когда-то земля – с лесами, полями, реками, дорогами и городами, земля прекрасная и плодородная. И был над нею поставлен богом король, самый седовласый и самый гордый из всех королей, о которых когда-либо ходили по свету достоверные слухи. У короля была единственная дочь – сама юность, красота и порыв. Король был в родстве со всеми соседними тронами, а дочь его была еще ребенок и совсем одна, почти как сирота. И это, конечно, ее нежность, и доброта, и власть, заключенная в спокойном безмятежном взоре, были невольной причиной того, что, чем взрослее и краше становилась она, тем все ближе подкрадывался к ней дракон, пока живым воплощением ужаса не обосновался в лесу перед самым красивым городом королевства; ибо существует скрытая связь между ужасом и красотой, и где-то они дополняют друг друга, как ликующий смех жизни и затаившаяся близкая смерть.

Мы не хотим этим сказать, что дракон питал к юной особе какие-то враждебные чувства, – как едва ли кто с чистой совестью решится утверждать, что смерть так уж глубоко враждебна жизни. Вполне возможно, что этот огромный огнедышащий зверь улегся бы, как собачонка, у ног красавицы, и только мерзость собственного языка не позволила бы ему в

зверином самоуничижении лизнуть прекраснейшую в мире руку. Но до этого его, естественно, и не допускали, тем более что дракон безжалостно расправлялся со всеми, кто случайно оказывался поблизости, хватал и оставлял у себя всех, не делая исключений ни для детей, ни для отар.

Первое время король, надо думать, с глубоким удовлетворением отмечал про себя, что эта напасть сделала многих юношей его страны мужчинами. Молодые смельчаки всех сословий – рыцари, послушники и простые слуги – потянулись на битву, как в долгий поход в чужую страну, принимали жаркую славу и муку одного-единственного геройского часа, вкусив жизни и смерти, надежды и страха сразу, – как во сне. Уже через несколько недель люди перестали вести счет этим храбрецам и запечатлевать в своей памяти их имена – потому что в такие тревожные дни народ привыкает даже к героям и они уже не кажутся чем-то неслыханным. Страх, голод, жажда тысяч людей взыскуют их, и они приходят как неизбежный рок, как хлеб наш насущный, повинувшись тем последним законам, которые не перестают действовать даже в годину всеобщего горя.

Но число тех, кто жертвовал собою в отчаянном этом бою, все росло и росло, уже почти в каждой семье пал лучший сын (и зачастую совсем еще мальчик) – и тогда король не без оснований начал опасаться, что погибнут все первенцы его королевства и слишком многим дочерям будет уготовано вдовствующее девичество на долгие годы бездетной женской

доли. И он запретил своим подданным продолжать борьбу. А чужеземным купцам, в безотчетном ужасе хлынувшим из зачумленной страны, он повелел возвестить то, что испокон веков возвещали короли в его положении: что если кому-то удастся избавить от этой гибели несчастную страну, он получит руку королевской дочери, будь он знатным дворянином или сыном презренного палача.

И оказалось, что и на чужбине не занимать стать героем и что соблазн высокой награды возымел свое действие. Но чужеземцам везло не больше, чем землякам королевны: они приходили только затем, чтобы умереть.

Между тем в королевне за эти дни произошла видимая перемена; если до сих пор ее сердце, подавленное печалью и злосчастным роком своей страны, молило о гибели чудовища, то теперь, когда она была обещана какому-то могучему незнакомцу, ее неискушенная душа прониклась странным расположением к супостату, к дракону, и дело дошло до того, что в неподкупной искренности своих сновидений она вдруг стала находить слова, чтобы молиться за него и просить святых заступниц взять чудовище под свою защиту.

Когда она однажды утром, стораю от стыда, очнулась от одного такого сна, до нее дошла весть, ее испугавшая и смутившая. Ей рассказали о юноше, который пришел на битву бог весть откуда и которому удалось – хоть он и не убил дракона – окровавленным и израненным вырваться из лап своего страшного соперника и спрятаться в лесной чаще. Там

он лежал, бездыханный, холодный в холодных своих доспехах, пока его не нашли и не принесли в один из домов, где он метался в бреду, и жаркая кровь бешено билась под пылающими бинтами.

Когда королева услышала эту весть, ее первым желанием было броситься на улицу в чем была – в белой рубашке из тонкого шелка, – разыскать тот дом и припасть к ложу умирающего. Но когда девушки одели ее и она увидела в бесчисленных зеркалах свое роскошное платье и свое печальное лицо, она не нашла в себе мужества совершить столь необычный поступок. Она даже не решилась послать в дом, где лежал больной чужеземец, какую-нибудь верную служанку, чтобы хоть чем-то облегчить его страдания – клочком тонкого полотна или мягкой мазью.

Но какая-то тревога осталась в ее душе, и она почти захворала. С наступлением ночи она садилась у окна и все пыталась угадать, в котором из домов умирал незнакомец. Что он умирал, ей было совершенно ясно. Ведь только она, она одна могла его спасти, но ей не хватало смелости навестить его. Отныне мысль, что в ее руках жизнь раненого героя, не покидала ее. В конце концов на третьей сутки, проведенные в такой же муке и самобичевании, эта мысль погнала ее на улицу, в дождь, в непроглядную, тревожную весеннюю ночь, и она блуждала в ней как в темной комнате. Она не представляла себе, как она опознает тот дом; но она сразу узнала его по одинокому распахнутому окну, освещенному изнутри

странным медленным светом, при котором ни спать, ни читать невозможно. И она, опустив голову, сникшая и несчастная, прошла мимо дома, подавленная первым в ее жизни горем. Так она шла и шла; дождь перестал; над разорванными полосами облаков засверкали редкие крупные звезды, и где-то в саду запел соловей и никак не мог закончить начало куплета. Он растерянно начинал снова и снова, и голос его могуче и властно разрастался в тиши, как голос гигантской птицы, свившей себе гнездо на вершинах девяти дубов.

Когда королевна оторвала наконец полные слез глаза от бесконечной своей дороги, она увидела перед собой лес и над ним розовую полосу утра. И на этой полосе выделялось что-то черное, двигавшееся прямо на нее. То был всадник. Она невольно отпрянула назад и спряталась за темными влажными кустами. Всадник медленно проехал мимо нее; лошадь его была черна от пота и дрожала. И он сам как будто дрожал: все кольца на чешуе его железного панциря тихо позванивали. На голове у него не было шлема, не было рукавиц на руках, и меч свисал тяжело и устало. Она разглядела его лицо в профиль; оно все пылало, и волосы развевались по ветру.

Она смотрела вслед ему, долго. Она поняла: он убил дракона. И ее печали вдруг как не бывало. Она уже не была одинокой заблудившейся девочкой в ночи. Она принадлежала ему, этому незнакомому дрожащему герою, она была его достоянием – будто родной сестрою его меча.

И она заторопилась домой, чтобы там ожидать его. Никем не замеченная, проскользнула она в свои покои и, как только подошло время, разбудила всех горничных и велела принести свои самые красивые наряды. Пока ее одевали, город проснулся, охваченный всеобщим ликованием. Люди радостно выбегали на улицу, на башнях захлеб били колокола. И тогда королевна, слушая всю эту суматоху, вдруг поняла, что он не придет. Она пыталась представить его себе в громовом прибое людской благодарности – и не смогла. С каким-то боязливым чувством она пыталась удержать в памяти образ одинокого дрожащего героя – такого, каким она его видела, – как будто важнее всего на свете было не забыть этот образ. И при этом так празднично было у нее на душе, что, хоть она и была уверена, что никто не придет, она не прерывала девушек, ее наряжавших. А те вплетали ей в косы смарагды и жемчуг и удивлялись, что такими влажными были эти косы на ощупь. Наконец королевна была готова. Она улыбнулась девушкам и, побледнев, пошла вдоль зеркальных стен, и белый шлейф ее платья шумел далеко за нею.

А престарелый король сидел, серьезный и величественный, в высокой тронной зале. Вокруг него стояли во всем блеске старейшие паладины королевства. Он ждал чужеземного героя, ждал избавителя.

Но тот был уже далеко-далеко, и над ним было небо, полное жаворонков. Если бы кто-нибудь напомнил ему о награде за подвиг, он, может быть, рассмеялся бы и повернул на-

зад: он просто об этом забыл.